

Оценка фискальной и социальной эффективности реформирования индивидуального подоходного налогообложения в России

Е. В. Балацкий^{1,2} , Н. А. Екимова¹

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

²Центральный экономико-математический институт

Российской академии наук,

г. Москва, Россия

 evbalatsky@inbox.ru

Аннотация. Начатая в 2021 г. реформа индивидуального подоходного налога (налога на доходы на физических лиц – НДФЛ), состоящая во введении прогрессивной шкалы со ставкой в 15% на доходы россиян свыше 5 млн руб. в год вместо установленных ранее 13%, предполагает предварительную экономическую оценку. Цель статьи состоит в разработке и апробации аналитических коэффициентов для оценки фискальной и социальной эффективности реформы подоходного налогообложения. Проверяется работоспособность гипотезы «расщепления» фискального и социального эффекта от налоговой реформы на глобальную и локальную составляющие. Для этого вводятся глобальные (макроэкономические) и локальные (отраслевые, проектные) индикаторы эффективности. В качестве глобальной фискальной эффективности предлагается использовать отношение дополнительного бюджетного дохода от введения прогрессивной шкалы НДФЛ к государственным расходам (расходная часть консолидированного бюджета). Если полученная величина дополнительного бюджетного дохода от введения прогрессивной шкалы НДФЛ больше 1% валового внутреннего продукта (ВВП), то проводимая реформа обладает свойством глобальной фискальной эффективности; в противном случае фискальный эффект от реформы считается незначительным. Аналогичным образом вводится понятие глобального индикатора социальной эффективности в виде доли величины изменения коэффициента фондов до и после налоговой реформы к изначальной величине коэффициента фондов. Тогда можно пользоваться следующим эвристическим правилом: если коэффициент фондов после введения прогрессивной шкалы НДФЛ изменяется больше чем на 25% по сравнению с его величиной до проведения реформы, то и сама налоговая реформа обладает свойством *глобальной социальной эффективности*; в противном случае социальный эффект от реформы считается незначительным. Если же полученный дополнительный доход от реформы позволяеткратно увеличить социально значимые направления национального проекта «Здравоохранение», то реформа обладает свойством локальной социальной и фискальной эффективности. Проведенные расчеты с использованием данных международной базы *World Inequality Database* позволили сделать следующие выводы. Начатая реформа НДФЛ не обладает свойствами глобальной фискальной и социальной эффективности, но имеет значение для принципиального ускорения национального проекта «Здравоохранение», что позволяет говорить о ее локальной социальной и фискальной эффективности. Предложенный аналитический инструмент может быть использован в системе государственного регулирования при проектировании налоговых реформ. Обосновывается тезис о плодотворности маркирования налоговых поступлений для контроля их последующего целевого расходования.

Ключевые слова: прогрессивное налогообложение; бюджет; эффективность; налоги; диагностика; институты.

1. Введение

Имеющиеся оценки говорят о том, что проблема социального неравенства в России стоит не менее остро, чем в других капиталистических странах. Традиционным инструментом борьбы с избыточным неравенством выступает прогрессивное налогообложение, прежде всего индивидуального подоходного налога (ИПН), аналогом которого в России выступает налог на доходы физических лиц (НДФЛ). Почти во всех странах мира внедрен этот инструмент, тогда как Россия долгое время отказывалась от его использования. Начиная с 2017 г. многие политические партии и фракции страны предлагали различные сценарии введения прогрессивной шкалы НДФЛ, однако вплоть до 2019 г. Правительство РФ категорически отрицало потребность в подобных нововведениях. Ситуация коренным образом изменилась в 2020 г., когда в своем обращении к россиянам президент страны В. Путин объявил о реформе НДФЛ, согласно которой с 01.01.2021 граждане, зарабатывающие свыше 5 млн руб. в год, должны платить налог на превышенный лимит по ставке 15 % вместо ранее установленных 13 %, распространяющихся на все остальное население. Не исключено, что это лишь первый шаг в намечаемой реформе, за которым последуют дополнительные изменения законодательства об НДФЛ.

Осуществляемые и намечаемые управленческие инновации в отношении НДФЛ предполагают их предварительную экономическую оценку. Ниже мы покажем, что данная задача является отнюдь не столь однозначной и простой, как это может показаться изначально.

Цель статьи состоит в разработке и апробации аналитического инструментария для оценки фискальной и социальной эффективности реформы подоходного налогообложения.

Проверяется работоспособность гипотезы «расщепления» фискального и социального эффекта от налоговой реформы на глобальную и локальную составляющие. Для этого будут использованы специальные алгоритмы вычисления соответствующих показателей на основе международной статистической отчетности.

2. Обзор литературы

2.1. Прогрессивная шкала НДФЛ в России: проблема оценки последствий

Проводимая с начала 2021 г. реформа НДФЛ является во всех отношениях щадящей. Во-первых, введенная шкала прогрессии является достаточно простой – в ней предусматривается только два доходных интервала. Это не должно привести к росту проблем налогового учета и контроля. Во-вторых, подвергающийся дополнительному налогообложению доход (свыше 5 млн руб. в год) затрагивает только незначительную часть российского населения. В зоне внимания налоговой службы оказывается довольно узкая группа лиц, что не сопряжено с заметным увеличением затрат на налоговое администрирование. В-третьих, дополнительная налоговая нагрузка на состоятельных граждан однозначно не является непосильной – увеличение ставки налога на 2 процентных пункта (п. п.) при достаточно низкой базовой ставке не может нанести ощутимый урон высокодоходной группе населения. Данное положение дел позволяет надеяться, что налоговая реформа НДФЛ не приведет к массовому уклонению от налога и его низкой собираемости. В-четвертых, целевой характер распределения дополнительно изъятых средств позволяет понимать, какие мероприятия и за счет кого финансируются.

Как это ни парадоксально, но фискальный эффект от нового режима

НДФЛ является неочевидным. Например, ожидания Правительства РФ от введенной меры, озвученные Президентом РФ В. Путиным¹, таковы: в 2021 году бюджет дополнит 60 млрд руб., в 2022-м – 64, в 2023-м – 68,5².

В настоящее время ни Росстат, ни Федеральная налоговая служба (ФНС) не предоставляют статистические данные, необходимые для расчета фискального эффекта от нового режима НДФЛ [1]. В связи с этим в российском информационном поле появились оценки, альтернативные правительственным.

В частности, информационное издание *Meduza*, опираясь на всемирную базу данных о неравенстве *World Inequality Database (WID)*³, в 2020 г. обнародовало следующие альтернативные оценки: по данным на 2018 г., численность потенциальных плательщиков повышенного налога составила около 570 тыс. чел.; среднегодовой доход 0,5% самых богатых людей равнялся чуть менее 16,5 млн руб.⁴ Дальнейшие расчеты аналитиков издания *Meduza* дали величину в 131 млрд руб. дополнительного дохода от введения в России прогрессивного НДФЛ, что в 2,2 раза больше правительственной оценки в 60 млрд руб. на 2021 г.

Столь сильное разночтение экономических оценок фискального эффекта от прогрессивной шкалы НДФЛ заставляет рассмотреть вопрос о состоятельности как исходной информационной основы расчетов (WID), так и алгоритма оценки агентства *Meduza*.

База WID, созданная в 2011 г., преследовала цель обеспечить свободный доступ к существующей статистике о распределении доходов. Деятельность WID основана на объединении усилий более 100 исследователей из 70 стран. Непосредственная работа по формированию статистической базы данных WID ведется Всемирной лабораторией неравенства (*The World Inequality Lab – WIL*), которая состоит примерно из 20 научных сотрудников и финансируется такими государственными и некоммерческими учреждениями, как Европейский исследовательский совет, Совет по экономическим и социальным исследованиям и Департамент международного развития Великобритании, Программа Развития ООН, Университет Беркли, фонд Форда и фонд Слоуна, а также другие университеты, исследовательские центры и статистические управления. Перечисленные факты позволяют доверять статистическим данным базы WID. Однако главное преимущество указанной базы в ее безальтернативности – Россия данные о неравенстве доходов держит в тайне. Кстати, официальные данные Росстата о доходах граждан страны очень сильно расходятся с данными WID и плохо сопрягаются с реально наблюдаемой в стране картиной. Дополнительным плюсом базы WID являются приемлемая оперативность и периодическое уточнение ретроспективных данных в связи с появлением новых сведений. В этом контексте неудивительно, что агентство *Meduza* воспользовалось именно этой информационной площадкой для перепроверки правительственных оценок, равно как и неудивительно получившееся кратное расхождение оценок.

В 2020 г. имела место и еще одна попытка оценки эффекта

¹ <https://www.rbc.ru/economics/24/06/2020/5ef226b29a794766cc4d2343>

² <https://tass.ru/ekonomika/10375027>

³ <https://wid.world/data/>

⁴ <https://meduza.io/feature/2020/06/24/dlya-lyudey-godovye-dohody-kotoryh-bolshe-5-millionov-rublej-podohodnyu-nalog-povysyat-s-13-do-15-takih-lyudey-mnogo-bolnym-detyam-ih-deneg-hvatit>

от прогрессивной шкалы НДФЛ, выполненная Центром макроэкономических исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Группа аналитиков Финуниверситета также воспользовалась сервисом WID, который позволил проанализировать средний доход последней децильной группы населения с ее попроцентной разбивкой. В ходе экспериментов с данным WID было установлено, что доля россиян с доходом выше 5 млн руб. составила 0,8 % рабочей силы (601,8 тыс. чел.) в отличие от 0,5 % (570 тыс. чел.), определенных изданием *Meduza*. Средний годовой доход сверхбогатой группы, согласно экспериментам Финуниверситета, получился равным порядка 18,8 млн руб., а по данным агентства *Meduza* – менее 16,5 млн рублей [1]. При этом эксперты Финуниверситета использовали данные за 2015 г. С учетом фактора инфляции, которая за период 2015–2020 гг. составила по крайней мере 15–20 %, искомая оценка от перехода к прогрессивной шкале НДФЛ достигает к 2021 г. 200–216 млрд руб., что примерно в 3,5 раза выше правительственной оценки на этот же год. Таким образом, очередная попытка перепроверки ожидаемых доходов от реформы ИПН привела к еще большему расхождению с официальными оценками.

Такое разночтение оценок эффекта от введения прогрессивной шкалы НДФЛ свидетельствует о том, что сама такая оценка является отнюдь нетривиальной экономической задачей, о чем говорилось в предыдущем разделе. Чтобы в очередной раз проверить и уточнить величину эффекта от введения прогрессивной шкалы НДФЛ и более подробно рассмотреть алгоритм ее расчета, воспользуемся данными WID в ценах 2019 г. по рыночному обменному курсу доллара к рублю.

2.2. Прогрессивный подоходный налог: мировой опыт оценки эффективности

Прежде чем приступить к прикладным расчетам экономических эффектов от реформы НДФЛ, рассмотрим сформировавшиеся к этому моменту подходы к подобным аналитическим операциям.

ИПН (или НДФЛ) может быть двух видов – с плоской и прогрессивной шкалой. Первый предполагает пропорциональное изъятие налога с полученного дохода независимо от его величины, второй – кусочно-линейную шкалу ставки налога в зависимости от величины дохода. Как правило, введение прогрессивного ИПН детерминировано желанием властей сократить дифференциацию доходов и переложить более тяжелое налоговое бремя на группы богатых граждан, которые гораздо легче переносят повышенные налоговые выплаты.

В связи с этим для ИПН характерно наличие двух регулятивных функций – *фискальной*, связанной с пополнением бюджета страны, и *социальной*, связанной со снижением социального неравенства в обществе. Соответственно, можно говорить о фискальной и социальной эффективности ИПН (НДФЛ).

Изучению этих двух аспектов посвящен значительный пласт литературы. При этом большинство исследователей считает, что перенастройка системы ИПН дает значительный эффект в странах с высокой долей подоходного налога в доходах бюджета, поскольку его низкая доля, как правило, является следствием невысокого уровня доходов и заработной платы в стране [2–5]. Данный факт необходимо учитывать при реформировании отечественной налоговой системы, что и было сделано российскими властями, установившими повышенную ставку для очень

малой, но достаточно богатой социальной группы.

Напомним, что экспериментирование с системой подоходного налогообложения как за рубежом, так и в России во многом было обусловлено тем, что наличие льгот и специальных режимов для различных видов доходов способствовало снижению редистрибутивных и прогрессивных свойств ИПН [6–8]. Модельные расчеты результатов реформ НДФЛ в России в начале 2000-х гг. показали, что, несмотря на то, что подоходный налог способствует выравниванию заработной платы, его перераспределительная роль не существенна.

Кроме того, была установлена связь между прогрессивностью налога и уклонением от него высокодоходной группой налогоплательщиков. Начало исследованиям подобного рода было положено еще в 70-е гг. [10–12], однако не потеряло актуальности и в наши дни. Например, применительно к России были показаны ограниченные возможности прогрессивной шкалы налогообложения в условиях слабого администрирования, когда при росте предельной ставки у высокодоходной группы налогоплательщиков увеличиваются стимулы к уклонению от налогов [9].

В современных западных работах проблема уклонения от налогов все чаще изучается в рамках междисциплинарных исследований. Например, в статье [13] динамика уклонений от уплаты ИПН была проанализирована с точки зрения экономистов на основе модели ферромагнетизма Изинга, что расширило возможности изучения поведенческих процессов в неоднородном (состоящем как минимум из четырех взаимодействующих между собой типов агентов) обществе. В другом исследовании была установлена связь между уклонением от налогов и уровнем морали: чем выше последний, тем

лучше налогоплательщики с высоким уровнем доходов платят налоги, делая тем самым налоговую систему более прогрессивной [14].

Своеобразной точкой отсчета в современной налоговой теории явилась статья *Mirrlees* [15], давшая старт массовым исследованиям свойств нелинейного ИПН. В этом русле лежит игровая модель подоходного прогрессивного налогообложения с добавлением в нее специальных уравнений-связок, что в конечном счете позволяет получить оптимальную шкалу ИПН на основе верифицируемых статистических показателей [16]. В некоторых работах прогрессивная шкала подоходного налога и его величина выражается через параметры распределения доходов среди населения [17].

Социальные и экономические аспекты прогрессивного налогообложения также не остались без внимания среди исследователей. Зачастую получаемые эффекты являются достаточно противоречивыми и не всегда соответствуют теоретическим ожиданиям. В частности, было установлено, что повышение прогрессивности налогообложения не является эффективным способом уменьшения социального неравенства [18, 19]. В то же время проведенная в 80-е гг. масштабная налоговая реформа в США показала, что, несмотря на то, что снижение прогрессивности ИПН способствовало усилению неравенства (так, в период с 1980 по 1990 г. коэффициент Джини вырос с 0,403 до 0,428) [20], а также привело к сокращению налоговых поступлений и падению уровня общественных благ (до 23%), наблюдается эффект роста благосостояния общества в целом и его отдельных децильных групп за счет более высокого уровня потребления, компенсирующего сокращение общественных благ [21, 22]. Кроме того,

факторами, обуславливающими необходимость снижения прогрессивного подоходного налога, являются старение населения и сокращение гендерного разрыва [21].

Отечественные экономисты сфокусировались на влиянии ИПН на доходное неравенство. Для этого, например, осуществляется подбор функции для описания распределения доходов, на основе которой вычисляются ключевые параметры неравномерности доходной кривой [23]. В этом же ключе лежит работа [24], позволившая «восстановить» разрыв в неравенстве распределения доходов по России и по Москве, который в 1998 г. составил 2,6 раза. Подобные исследования привели к попытке введения в рассмотрение специальной функции перераспределения ИПН для сравнения различных сценариев налогообложения [25].

Еще одно направление, в русле которого лежат исследования налоговой эффективности, связано с возникающими в результате проведения налоговых реформ рисками. Существующие определения понятия «налоговые риски» и их характеристика проанализированы в работах [26; 27]. Несмотря на понятийное многообразие налоговых рисков и методов их оценки, авторы сходятся во мнении, что таковые представляет ощутимую угрозу экономических потерь как для государства, так и для налогоплательщиков [28]. Кроме того, увеличение налоговых рисков зачастую связывают с высокой налоговой нагрузкой, способствующей росту доли уклонений от налогов и расширению теневого сектора экономики [29; 30], что является одним из ключевых аргументов у сторонников плоской шкалы налогообложения. Применительно к России отмечается, что переход в 2001 г. к плоской шкале налогообложения способствовал не только росту налоговых

поступлений, но и стабилизации механизма их собираемости [18].

Наиболее актуальным исследованием, в котором количественно и качественно анализируется возможность восстановления прогрессивного ИПН в России для трех гипотетических вариантов реформы, можно считать статью [31]. На основе моделирования кривой распределения доходов автор показывает, что введение прогрессивной шкалы не оказывает принципиального влияния на социальное неравенство в России.

3. Алгоритм оценки фискальной эффективности от введения прогрессивной шкалы НДФЛ

Для иллюстрации аналитических проблем налоговой инновации 2021 г. сначала рассмотрим случай фискальной эффективности НДФЛ. При этом мы не будем конструировать максимально общую аналитическую схему, а ограничимся простейшим случаем, который позволяет уяснить сам принцип оценки.

Весь алгоритм сводится к тщательному калькулированию доходных групп населения. Статистика базы WID показывает, что превышение критической величины душевого дохода ($D^* = 5$ млн руб.) характерно только для последнего, самого доходного, 1% населения, внутри которого доходы 9 из 10 подгрупп выше критической отметки ($D > D^*$) на фоне высокого неравенства в распределении доходов по подгруппам (табл. 1). Можно сказать, что идентификация указанных 9 подгрупп самой высокодоходной группы населения в 1% богатейших граждан является *нулевым шагом* алгоритма, задавая статистическую базу для дальнейших расчетов.

Тогда *первый шаг* состоит в оценке дополнительной удельной налоговой

Таблица 1. Доходные и налоговые параметры для России, 2015 г.
(в текущих ценах и обменному курсу 2019 г.)

Table 1. Income and tax parameters for Russia, 2015 (at current prices and 2019 exchange rate)

Группы богатого населения, %	Среднегодовой душевой доход до обложения налогом (D), млн руб.	Число налогоплательщиков (рабочая сила) (L), тыс. чел.	Дополнительная налогооблагаемая база ($D - D^*$), тыс. руб.	Дополнительный душевой НДФЛ (ΔQ), тыс. руб.	Дополнительный налог с группы (ΔW), млн руб.
99.1–99.2	5,002	76,6	1,7	0,03	2,5
99.2–99.3	5,454	76,6	453,6	9,07	694,8
99.3–99.4	6,071	76,6	1070,8	21,42	1640,2
99.4–99.5	6,918	76,6	1917,5	38,35	2937,2
99.5–99.6	8,077	76,6	3077,3	61,55	4713,7
99.6–99.7	9,661	76,6	4661,1	93,22	7139,6
99.7–99.8	11,874	76,6	6873,5	137,47	10528,6
99.8–99.9	15,961	76,6	10960,5	219,21	16788,9
99.9–100.0	81,502	76,6	76502,4	1530,05	117183,3
Сумма дополнительного НДФЛ со сверхбогатых групп населения (ΔT), млн руб.					161626,3

Источник: составлено и рассчитано по данным WID.

базы НДФЛ с учетом принятых обозначений: $\Delta D = D - D^*$. Именно эта величина подпадает под налогообложение дополнительными двумя процентами ($\Delta q = 2\%$), что дает значение дополнительного душевого НДФЛ на *втором шаге* вычислений (ΔQ): $\Delta Q = (D - D^*)\Delta q$. *Третий шаг* предполагает переход от удельного дополнительного НДФЛ к его общей массе с учетом численности подгруппы налогоплательщиков: $\Delta W = (D - D^*) * L * \Delta q$, где L – численность соответствующей подгруппы налогоплательщиков. Если ввести индекс подгруппы i налогоплательщиков, то *четвертый шаг* вычисления предполагает суммирование дополнительного дохода НДФЛ по всем подгруппам с получением макрооценки от введения прогрессивной шкалы (ΔT): $\Delta T = \sum_i \Delta W_i$.

Напомним, что суммируется 9 подгрупп самого доходного 1% граждан страны (табл. 1). Аналогичные расчеты можно сделать и для 2019 г. (табл. 2).

Чтобы лучше уяснить масштаб эффекта от введения в России прогрессивной шкалы НДФЛ, рассмотрим динамику бюджетных расходов (B) в ценах 2019 г. – в 2015 и 2019 г. (расходы 2015 г. домножаются на индекс инфляции за период 2015–2019 гг., который составляет 1,161) (табл. 3). При этом наряду с абсолютной величиной ΔT произведем оценку ее относительной величины (b) по сравнению с расходами консолидированного бюджета страны ($b = (\Delta T/B) * 100\%$). Тогда на основе данных табл. 3 можно сделать следующие выводы.

В абсолютных значениях величина дополнительного бюджетного дохода

Таблица 2. Доходные и налоговые параметры для России, 2019 г.
(в текущих ценах и обменному курсу 2019 г.)

Table 2. Income and tax parameters for Russia, 2019 (at current prices and 2019 exchange rate)

Группы богатого населения, %	Среднегодовой душевой доход до обложения налогом (D), млн руб.	Число налогоплательщиков (рабочая сила) (L), тыс. чел.	Дополнительная налогооблагаемая база (ΔD), млн руб.	Дополнительный душевой НДФЛ (ΔQ), тыс. руб.	Дополнительный налог с группы (ΔW), млн руб.
99.1–99.2	5,2	75,4	0,2	4,9	374,0
99.2–99.3	5,9	75,4	0,9	17,9	1347,3
99.3–99.4	6,8	75,4	1,8	36,8	2775,4
99.4–99.5	8,2	75,4	3,2	63,8	4810,9
99.5–99.6	10,0	75,4	5,0	100,9	7611,8
99.6–99.7	12,5	75,4	7,5	150,6	11355,2
99.7–99.8	15,7	75,4	10,7	214,5	16172,6
99.8–99.9	20,4	75,4	15,4	308,4	23256,3
99.9–100.0	80,4	75,4	75,4	1508,7	113750,3
Сумма дополнительного НДФЛ со сверхбогатых групп населения (ΔT), млн руб.					181079,9

Источник: составлено и рассчитано по данным WID.

Таблица 3. Параметры консолидированного бюджета России
(в текущих ценах 2019 г.)

Table 3. Parameters of the consolidated budget of Russia (in current prices of 2019)

Год	Расходы бюджета (B), млрд руб.	Дополнительный доход от НДФЛ (ΔT), млрд руб.	Доля дополнительного дохода от НДФЛ в расходах бюджета (b), %
2015	34518,5	161,6	0,47
2019	37382,2	181,1	0,48

Источник: составлено и рассчитано по данным WID и Росстата.

от реформы НДФЛ выглядит достаточно внушительно – порядка 181 млрд руб. на 2019 г. Это означает, что в последующие годы с учетом экономического роста и инфляции данная величина будет колебаться в районе 200 млрд руб. Однако в относительном измерении эта сумма составляет менее половины

процента от государственных расходов и, строго говоря, не является макроэкономической величиной.

Оговоримся, что в современной теории не существует единого стандарта того, что считать *макроэкономической величиной*, однако на основе сложившейся аналитической практики можно

говорить, что величина обладает указанным свойством, если она превышает 1% валового внутреннего продукта (ВВП). Разумеется, это очень условная классификация, но она помогает идентифицировать масштаб рассматриваемого экономического явления. Например, если величина дополнительного бюджетного дохода от введения прогрессивной шкалы НДФЛ больше 1% ВВП, то проводимая реформа обладает свойством *глобальной фискальной эффективности*; в противном случае реформа не обладает указанным свойством. В нашем случае показатель ΔT в 6–7 раз меньше введенной критической границы в 1% ВВП, в связи с чем можно сделать заключение о незначительном масштабе фискального эффекта от введения прогрессивной шкалы НДФЛ.

Возможно, что полученные скромные оценки эффекта от реформы НДФЛ являются следствием ее «неполноценности», связанной с охватом прогрессивной шкалой всего лишь менее 1% населения. Кроме того, сама повысительная ставка по мировым стандартам является крайне низкой. Если прогрессивную шкалу НДФЛ ввести хотя бы на 1/3 работающего населения страны, а также сделать более резкую прогрессию, то полученная дополнительная величина налога, скорее всего, стала бы гораздо более весомой и превратилась бы в значимую макроэкономическую величину. Если же отвлечься от гипотетических сценариев, то можно констатировать, что нынешнее решение о введении прогрессивной шкалы НДФЛ останется незаметным для доходной части бюджета страны во все ближайшие годы. Подобную «скромность» и локальность действий регулятора можно воспринимать как первый шаг к более масштабной реформе подоходного налогообложения.

4. Социальная эффективность индивидуального подоходного налогообложения

Мера по введению в 2021 г. в России прогрессивной шкалы НДФЛ имеет символический характер, ибо с этого момента страна становится полноправным участником клуба «цивилизованных» стран, в которых система прогрессивного подоходного налогообложения выступает неотъемлемой частью развитой системы государственного управления. Прогрессивный НДФЛ во всех странах мира выступает в качестве одного из главных инструментов снижения социального неравенства и поддержания социальной справедливости.

Сказанное означает, что последствия введения прогрессивной шкалы НДФЛ могут быть выражены показателями социальной эффективности. Так как изначально прогрессивная шкала направлена на снижение доходного неравенства, то ее введение может оцениваться с помощью изменения, например, коэффициента фондов (K) – отношения среднего дохода верхней (10-й) и нижней (1-й) децильных групп распределения населения по доходам. В данном случае показателя K вполне достаточно, так как фискальные мероприятия охватывают менее 1/10 части населения верхнего (10-го) дециля; при более масштабной реформе, затрагивающей разные децильные группы, можно воспользоваться индексом Джини.

Для оценки социальных эффектов рассмотрим данные табл. 4.

В данном случае обращает на себя внимание тот факт, что, невзирая на большие различия в уровне доходов разных групп, имела место позитивная динамика, связанная с ускоренным ростом доходов самой малообеспеченной группы населения. По всей видимости, такое положение дел связано с внедряемой в указанные годы «дорожной

Таблица 4. Параметры доходного неравенства в России (в текущих ценах 2019 г.)

Table 4. Parameters of income inequality in Russia (at current prices of 2019)

Доля работающего населения	Тип социальной группы	Среднегодовой доход, тыс. руб.		Прирост среднего дохода за 2015–2019 гг., %
		2015 г.	2019 г.	
0–10%	1-й дециль	26,3	43,2	64,3
90–100%	10-й дециль	3569,6	3682,7	3,2
99–100%	Верхний 1%	15519,1	17014,8	9,6

Источник: составлено и рассчитано по данным WID.

картой» Правительства РФ, которая регламентировала нижние заработки работников государственного сектора экономики. Однако из данных табл. 4 видно, что верхний 1%, состоящий из наиболее богатых людей страны, также рос опережающими темпами. Тем самым имела место ситуация, когда на фоне быстрого улучшения материального положения масс происходило дальнейшее обогащение самой богатой части населения.

Используя данные табл. 4, можно оценить величину коэффициента фондов до и после введения прогрессивного НДФЛ (табл. 5).

Данные табл. 5 позволяет сделать следующие два вывода. Во-первых, на протяжении 2015–2019 гг. в России произошло очень сильное сокращение доходного неравенства, которое в начале рассматриваемого периода было беспрецедентно высоким; в 2019 г. значение коэффициента фондов по-прежнему было крайне высоко, но не настолько, как в 2015 г. Во-вторых, введение

прогрессивной шкалы НДФЛ практически никак не влияет на неравенство доходов: в 2015 г. оно могло уменьшить коэффициент фондов только на 0,6%, а в 2019 г. – на 0,7%. Из приведенных данных табл. 4, 5 можно сделать однозначный вывод, что политика доходов влияет на социальное неравенство гораздо сильнее, чем политика прогрессивного подоходного налогообложения.

Для более четкого оформления полученных результатов введем эвристическое понятие глобальной социальной эффективности налоговой реформы: если коэффициент фондов после введения прогрессивной шкалы НДФЛ изменяется больше чем на 25% по сравнению с его величиной до проведения реформы, то и сама налоговая реформа обладает свойством *глобальной социальной эффективности*; в противном случае социальный эффект от реформы считается незначительным.

Сделанные выводы справедливы при рассмотрении национальной

Таблица 5. Значения коэффициента фондов (К) в России (в текущих ценах 2019 г.)

Table 5. Values of the coefficient of funds (K) in Russia (at current prices of 2019)

Год	До введения прогрессивной шкалы НДФЛ	После введения прогрессивной шкалы НДФЛ
2015	135,6	134,8
2019	85,2	84,6

Источник: составлено и рассчитано по данным табл. 1.

экономической системы, однако у реформы НДФЛ есть и еще одна сторона – локальная. Дело в том, что дополнительные доходы от введения прогрессивной шкалы НДФЛ, как уже указывалось выше, будут «окрашены» и целевым образом направлены в сферу здравоохранения, а именно на лечение детей, закупку дорогостоящих лекарственных средств и оборудования, проведение высокотехнологичных и сложных операций⁵. Поскольку президентом страны В. Путиным были озвучены именно эти приоритеты, то остановимся подробнее на национальном проекте (НП) «Здравоохранение» (табл. 6).

Если дополнительный доход от НДФЛ перевести в локальное измерение и рассмотреть его потенциал применительно к финансированию

⁵ <https://www.rbc.ru/economics/24/06/2020/5ef226b29a794766cc4d2343>

НП «Здравоохранение», то из табл. 6 видно, что ситуация становится совершенно иной. Например, среднегодовая величина ΔT в 200 млрд руб. в предстоящие три года составляет примерно 35 % от трехлетнего бюджета НП «Здравоохранение» по самому затратному направлению – борьбой с онкологическими заболеваниями; за три года величина дополнительных налоговых средств по линии НДФЛ полностью перекроет намеченное финансирование указанного генерального направления НП. Если же дополнительный доход ΔT направить на другие направления проекта, то по ним можно ожидать кардинального прорыва, т. к. их финансирование возрастет кратно и даст возможность получения качественно иного результата.

Резюмируя сказанное, можно дать эвристическое определение *локальной*

Таблица 6. Расходы федерального бюджета на реализацию Национального проекта «Здравоохранение» в 2020–2022 гг., млрд руб.

Table 6. Federal budget expenditures for the implementation of the National Healthcare Project in 2020–2022, billion rubles

№	Наименование	Расходы
1	Борьба с онкологическими заболеваниями	560,1
2	Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ)	72,9
3	Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями	70,6
4	Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям	49,6
5	Развитие сети национальных медицинских исследовательских центров и внедрение инновационных медицинских технологий	35,8
6	Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи	29,3
7	Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами	9,2
8	Развитие экспорта медицинских услуг	0,1

Источник: бюджет для граждан, https://www.minfin.ru/common/upload/library/2019/12/main/Budzhet_dlya_grazhdan_2020-2022.pdf.

социальной (и одновременно фискальной) эффективности реформы НДС: если дополнительный доход от налоговой реформы позволяеткратно (более чем в два раза) увеличить финансирование социально значимых направлений НП «Здравоохранение», то и сама реформа обладает свойством локальной эффективности.

Таким образом, оценка социальной эффективности реформы НДС имеет по крайней мере два измерения. С глобальной (макроэкономической) точки зрения данная мера почти не влияет на социальное неравенство и не может выступать в качестве действенного инструмента урегулирования данного вопроса. С локальной (отраслевой, проектной) точки зрения рассмотренная мера имеет очень заметное позитивное воздействие на ситуацию в конкретном и очень болезненном социальном сегменте – сфере здравоохранения.

Все сделанные выводы верны, если верны исходные цифры. В данном случае нельзя обойти вопрос о том, какие различия имеются в отношении коэффициента фондов. Ранее уже отмечалось, что оценки указанного параметра, по данным WID и Росстата, равно как и Мирового банка, расходятся на порядок [18]. В связи с этим произведем поверхностную, но вполне корректную перепроверку полученных цифр на микроуровне, т. е. на уровне конкретных предприятий. Журналистские расследования показали, что заработок инженера государственной корпорации «Роскосмос» в 2018–2019 гг. составлял 43–63 тыс. руб. в месяц, тогда как глава компании получал 2,0–3,7 млн руб. в месяц⁶. Месячный заработок инженера компании *SpaceX* по курсу на 26.02.2021 составляет 585 тыс. руб., а агентства

European Space Agency – от 450 до 720 тыс. руб. (в среднем 585 тыс. руб. – как в *SpaceX*)⁷. Руководитель подобных структур в США получает 1,6–1,9 млн руб. в месяц. Приведенные цифры позволяют утверждать, что разрыв в оплате труда руководителя компании и инженера (аналог коэффициента фондов) в России составляет от 45,3 до 58,7, тогда как в США и Европе – от 2,7 до 3,2. В данном случае мы получаем косвенное подтверждение тому, что коэффициент фондов в России вполне адекватно отражается данными международной базы WID.

5. Заключение

Проведенные выше иллюстративные расчеты на реальных данных показали, что фискальная и социальная эффективность НДС имеют контекстное звучание и должны скрупулезно оцениваться для каждой конкретной ситуации. При этом использованный подход к разделению фискальной и социальной эффективности на глобальный и локальный уровни позволяет получить более полное и объемное представление о масштабе последствий проводимой налоговой реформы. Конкретные аналитические показатели (отношение дополнительного бюджетного дохода от введения прогрессивной шкалы НДС к государственным расходам и изменение в результате налоговой инновации коэффициента фондов) позволяют говорить об их диагностической адекватности и возможности применения в практике макроэкономического анализа и проектирования реформ. Сравнение дополнительных фискальных доходов от реформы с расходами на социально значимые проекты также показало свою информативность и продуктивность.

⁶ См.: <https://zen.yandex.ru/media/fromsiberia/zarplaty-injenera-roskosmosa-i-rabotnika-spacex-sravnim-5fc3e827d57ee92752c29d09>

⁷ <https://www.mk.ru/politics/2019/08/14/zarplaty-sotrudnikov-roskosmosa-porazhayut-voobrazhenie-kosmonavtam-takie-dengi-ne-snilis.html>

Применительно к осуществляемой реформе НДФЛ можно утверждать, что в нынешнем виде она имеет довольно низкую глобальную фискальную и социальную эффективность, но имеет вполне выраженную локальную эффективность. В связи с этим можно говорить, что и само введение прогрессивной шкалы НДФЛ пока играет роль целевого инструмента «тонкой настройки», а не универсального макроэкономического регулятора. Если впоследствии реформа НДФЛ продолжится и охватит более широкие массы населения, то можно полагать, что ее влияние приобретет глобальный (макроэкономический) характер.

Особо следует отметить управленческий подход, связанный

с маркированием налоговых доходов, так как это делает понятной всю процедуру траты денег, а также позволяет придать налогообложению по-настоящему целевой характер и воспрепятствовать «размазыванию» денег по разным бюджетным статьям. Представляется, что практика «окраски» налоговых поступлений может применяться максимально широко, а саму процедуру маркирования средств можно использовать для разных сторон налоговых реформ в качестве своеобразного *многоцелевого маркирования*. Это не только повысит финансовую дисциплину, но и создаст дополнительный морально-психологический стимул для честной выплаты налогов.

Список использованных источников

1. Балацкий Е. В., Екимова Н. А., Юревич М. А. Макрооценка эффекта от введения прогрессивной шкалы НДФЛ // Муниципальная академия. 2020. № 3. С. 80–88.
2. *Tanzi V.* Fiscal Policies in Economies in Transition. Washington, D. C.: International Monetary Fund, 1992. 359 p.
3. *Burgess S., Stern N.* Taxation and Development // Journal of Economic Literature. 1993. Vol. 31, No. 2. Pp. 762–830.
4. *Cheasty A., Davis J.* Fiscal Transition in Countries of the Former Soviet Union: An Interim Assessment // Economic Policy in Transitional Economies. 1996. Vol. 6. Pp. 7–34. DOI: 10.1007/BF02430962.
5. *Dabrowski M., Tomczynska M.* Tax Reforms in Transition Economies – A Mixed Record and Complex Future Agenda // SSRN Electronic Journal. CASE Network Studies and Analyses. 2001. No. 231. DOI: 10.2139/ssrn.1440219.
6. *Hagemann R. P., Jones B. R., Montador B. R.* Tax Reform in OECD Countries: Economic Rationale and Consequences // OECD Economics Department Working Papers. 1987. No. 40 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/082177701741.pdf?expires=1614807694&id=id&accname=guest&checksum=66978C55643797C9A684BC26512149C1>.
7. *Agell J., Englund P., Sodersten J.* Tax Reform of the Century – The Swedish Experiment // National Tax Journal. 1996. Vol. 49, No. 4. Pp. 643–664.
8. *Lodin S. O.* The Swedish Tax System and Inverted Imputation. European Taxation, 1996. 166 p.
9. Синельников-Мурылев С., Баткибеков С., Кадочников П., Некипелов Д. Оценка результатов реформы НДФЛ в России // Вопросы экономики. 2003. № 6. С. 61–77.
10. *Allingham M. G., Sandmo A.* Income Tax Evasion: A Theoretical Analysis // Journal of Public Economics. 1972. Vol. 1, Issue 3–4. Pp. 323–328. DOI: 10.1016/0047-2727(72)90010-2.
11. *Srinivasan T. N.* Tax Evasion: A Model // Journal of Public Economics. 1973. Vol. 2, Issue 4. Pp. 339–346. DOI: 10.1016/0047-2727(73)90024-8.
12. *Yitzhaki S.* A Note on Income Tax Evasion: A Theoretical Analysis // Journal of Public Economics. 1974. Vol. 3. Pp. 201–202. DOI: 10.1016/0047-2727(74)90037-1.

13. *Pickhardt M., Seibold G.* Income Tax Evasion Dynamics: Evidence from an Agent-Based Econophysics Model // *Journal of Economic Psychology*. 2014. Vol. 40. Pp. 147–160. DOI: 10.1016/j.joep.2013.01.011.
14. *Lee K.* Morality, tax evasion, and equity // *Mathematical Social Sciences*. 2016. Vol. 82. Pp. 97–104. DOI: 10.1016/j.mathsocsci.2016.05.003.
15. *Mirrlees J. A.* An Exploration in the Theory of Optimum Income Taxation // *Review of Economic Studies*. 1971. Vol. 38, Issue 2. Pp. 175–208. DOI: 10.2307/2296779.
16. *Смирнов П. О.* Моделирование выбора параметров шкалы подоходного налога // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2011. Вып. 4. С. 141–148.
17. *Давнис В. В., Родин В. А.* Модель неравномерной шкалы налогообложения и примеры ее возможного использования // *Современная экономика: проблемы и решения*. 2016. № 3 (75). С. 8–19. DOI: 10.17308/meps.2016/3/1407.
18. *Балацкий Е. В., Екимова Н. А.* Сравнительные характеристики прогрессивной и плоской шкалы подоходного налога // *Journal of Institutional Studies*. 2018. Т. 10, № 3. С. 102–122. DOI: 10.17835/2076–6297.2018.10.3.102–122.
19. *Heathcote J., Storesletten K., Violante G. L.* Optimal tax progressivity: an analytical framework // *Quarterly Journal of Economics*. 2017. Vol. 132, No. 4. Pp. 1693–1754. DOI: 10.1093/qje/qjx018.
20. *Васильев В. С., Соколов М. М.* Налоговые реформы Р. Рейгана и Д. Трампа: эволюция приоритетов // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2018. № 8 (584). С. 5–25. DOI: 10.31857/S032120680000356–5.
21. *Wu C.* More unequal income but less progressive taxation // *Journal of Monetary Economics*. 2021. Vol. 117. Pp. 949–968. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2020.07.005.
22. *Chen S.-H.* Inequality-growth nexus under progressive income taxation // *Journal of Macroeconomics*. 2020. Vol. 65, article 103234. DOI: 10.1016/j.jmacro.2020.103234.
23. *Лебедев В. В., Лебедев К. В.* О применении уравнения Ферхюльста для анализа дифференциации денежных доходов населения России // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2017. Т. 3, № 6. С. 218–223.
24. *Гречаный С. А., Родин В. А.* Коэффициент Рейнбоу и возможности введения прогрессивного налога в России // *Вестник ВГУ. Серия: экономика и управление*. 2008. № 2. С. 44–47.
25. *Тищенко А. С.* Исследование влияния подоходного налога на структуру расходов населения на основе моделирования. Автореферат дисс... канд. экон. наук. Москва, 2008. 20 с.
26. *Винокурова Т. П.* Налоговый риск: экономическая сущность, методики анализа и оценки, направления их совершенствования // *Экономика и управление*. 2012. № 4. С. 103–110.
27. *Ласкина Л. Ю., Власова М. С.* Налоговый риск как составная часть предпринимательского риска // *Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент»*. 2015. № 1. С. 121–130.
28. *Егорова О. Я., Смирнова Е. Е.* Управление налоговыми рисками в компании в условиях экономической нестабильности // *Молодежный научный форум: общественные и экономические науки*. 2015. № 2 (21). С. 92–99.
29. *Macijauskas L., Maditinos I. D.* Looking for Synergy with Momentum in Main Asset Classes // *European Research Studies Journal*. 2014. Vol. XVII, No. 3. Pp. 3–16. DOI: 10.35808/ersj/422.
30. *Polemis M.* Panel Data Estimation Techniques and Mark Up Ratios // *European Research Studies Journal*. 2014. Vol. XVII, No. 1. Pp. 69–84. DOI: 10.35808/ersj/411.
31. *Lykova L. N.* A return to progressive personal income tax in the Russian Federation: some estimations // *Journal of Tax Reform*. 2018. Vol. 4, No. 2. Pp. 174–187. DOI: 10.15826/jtr.2018.4.2.051.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Балацкий Евгений Всеволодович

Доктор экономических наук, профессор, директор Центра макроэкономических исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, главный научный сотрудник Лаборатории математической экономики Центрального экономико-математического института РАН, г. Москва, Россия (125993 (ГСП-3), г. Москва, Ленинградский просп., 49); ORCID 0000-0002-3371-2229; e-mail: evbalatsky@inbox.ru.

Екимова Наталья Александровна

Кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра макроэкономических исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия (125993 (ГСП-3), г. Москва, Ленинградский просп., 49); ORCID 0000-0001-6873-7146; e-mail: n.ekimova@bk.ru.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства Российской Федерации Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации на 2021 год по теме «Технологические, структурные и социальные факторы долгосрочного экономического роста» (АААА-А19–119080990043–0).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Оценка фискальной и социальной эффективности реформирования индивидуального подоходного налогообложения в России // *Journal of Applied Economic Research*. 2021. Т. 20, № 2. С. 175–193. DOI: 10.15826/vestnik.2021.20.2.008.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Дата поступления 4 марта 2021 г.; дата поступления после рецензирования 12 апреля 2021 г.; дата принятия к печати 10 мая 2021 г.

Fiscal and Social Effectiveness Assessment of the Personal Income Tax Reform in Russia

E. V. Balatsky^{1,2} , N. A. Ekimova¹

¹The Financial University under the Government of the Russian Federation

²The Central Economics and Mathematics Institute
of the Russian Academy of Sciences (CEMI RAS)
Moscow, Russia

 evbalatsky@inbox.ru

Abstract. The reform of personal income tax (PIT) that began in 2021, consisting in the introduction of a progressive scale with a rate of 15% on incomes of over 5 million rubles a year instead of the previously established 13%, assumes a preliminary economic assessment. The purpose of the article is to develop and test analytical coefficients for assessing the fiscal and social effectiveness of the income tax reform. For this purpose, global (macroeconomic) and local (industry-level, project-level) performance indicators are introduced. As a global fiscal efficiency measure, it is proposed to use the ratio of additional budget revenue generated by the introduction of a progressive personal income tax scale to public expenditures (the expenditure part of the consolidated budget). If the received amount of additional budget revenue from the introduction of the progressive personal income tax scale is more than 1% of gross domestic product (GDP), then the reform has the property of global fiscal efficiency; otherwise, the fiscal effect of the reform is considered insignificant. Similarly, the concept of a global indicator of social efficiency is introduced in the form of the share of the change in the coefficient of funds before and after the tax reform to the original value of the coefficient of funds. Then the following heuristic rule can be used: if the coefficient of funds after the introduction of the progressive personal income tax scale changes by more than 25% compared to its value before the reform, then the tax reform itself has the property of global social efficiency; otherwise, the social effect of the reform is considered insignificant. If the additional revenue received thanks to the reform makes it possible to multiply the socially significant areas of the national project «Healthcare», then the reform has the property of local social and fiscal efficiency. The calculations carried out using data from the international database World Inequality Database allowed us to make the following conclusions. The initiated personal income tax reform does not have the properties of global fiscal and social efficiency, but it is important for the fundamental acceleration of the national project «Healthcare». This allows us to speak about its local social and fiscal efficiency. The proposed analytical tools can be used in the system of state regulation in the design of tax reforms.

Key words: progressive taxation; budget; efficiency; taxes; diagnostics; institutions.

JEL H240

References

1. Balatsky, E. V., Ekimova, N. A., Iurevich, M. A. (2020). Makroootsenka effekta ot vvedeniia progressivnoi shkaly NDFL (Macroassessment of progressive personal income tax scale introduction effect). *Munitsipalnaia akademiia [Municipal Academy]*, No. 3, 80–88. (In Russ.).
2. Tanzi, V. (1992). *Fiscal Policies in Economies in Transition*. Washington, D. C., International Monetary Fund, 359 p.
3. Burgess, S., Stern, N. (1993). Taxation and Development. *Journal of Economic Literature*, Vol. 31, No. 2, 762–830.

4. Cheasty, A., Davis, J. (1996). Fiscal Transition in Countries of the Former Soviet Union: An Interim Assessment. *Economic Policy in Transitional Economies*, Vol. 6, 7–34. DOI: 10.1007/BF02430962.
5. Dabrowski, M., Tomczynska, M. (2001). Tax Reforms in Transition Economies – A Mixed Record and Complex Future Agenda. *SSRN Electronic Journal. CASE Network Studies and Analyses*, No. 231. DOI: 10.2139/ssrn.1440219.
6. Hagemann, R. P., Jones, B. R., Montador, B. R. (1987). Tax Reform in OECD Countries: Economic Rationale and Consequences. *OECD Economics Department Working Papers*, No. 40. Available at: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/082177701741.pdf?expires=1614807694&iid=id&accname=guest&checksum=66978C55643797C9A684BC26512149C1>.
7. Agell, J., Englund, P., Sodersten, J. (1996). Tax Reform of the Century – The Swedish Experiment. *National Tax Journal*, Vol. 49, No. 4, 643–664.
8. Lodin, S. O. (1996). The Swedish Tax System and Inverted Imputation. *European Taxation*, 166 p.
9. Sinelnikov-Murylev, S., Batkibekov, S., Kadochnikov, P., Nekipelov, D. (2003). Otsenka rezultatov reformy NDFL v Rossii (Assesment of the Results of Personal Income Tax Reform in Russia). *Voprosy ekonomiki*, No. 6, 61–77. (In Russ.).
10. Allingham, M. G., Sandmo, A. (1972). Income Tax Evasion: A Theoretical Analysis. *Journal of Public Economics*, Vol. 1, Issue 3–4, 323–328. DOI: 10.1016/0047–2727 (72) 90010-2.
11. Srinivasan, T. N. (1973). Tax Evasion: A Model. *Journal of Public Economics*, Vol. 2, Issue 4, 339–346. DOI: 10.1016/0047–2727 (73) 90024-8.
12. Yitzhaki, S. (1974). A Note on Income Tax Evasion: A Theoretical Analysis. *Journal of Public Economics*, Vol. 3, 201–202. DOI: 10.1016/0047–2727 (74) 90037-1.
13. Pickhardt, M., Seibold, G. (2014). Income Tax Evasion Dynamics: Evidence from an Agent-Based Econophysics Model. *Journal of Economic Psychology*, Vol. 40, 147–160. DOI: 10.1016/j.joep.2013.01.011.
14. Lee, K. (2016). Morality, tax evasion, and equity. *Mathematical Social Sciences*, Vol. 82, 97–104. DOI: 10.1016/j.mathsocsci.2016.05.003.
15. Mirrlees, J. A. (1971). An Exploration in the Theory of Optimum Income Taxation. *Review of Economic Studies*, Vol. 38, Issue 2, 175–208. DOI: 10.2307/2296779.
16. Smirnov, R. O. (2011). Modelirovanie vybora parametrov shkaly podokhodnogo naloga (Modeling of Choosing the Parameters of the Income Tax Schedule). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika (St Petersburg University Journal of Economic Studies)*, Issue 4, 141–148. (In Russ.).
17. Davnis, V. V., Rodin, V. A. (2016). Model neravnomernoi shkaly nalogooblozheniia i primery ee vozmozhnogo ispolzovaniia (Modeling of the progressive taxation in regions of Russia). *Sovremennaia ekonomika: problemy i resheniia (Modern Economics: Problems and Solutions)*, No. 3 (75), 8–19. (In Russ.). DOI: 10.17308/meps.2016/3/1407.
18. Balatsky, E. V., Ekimova, N. A. (2018). Sravnitelnye kharakteristiki progressivnoi i ploskoi shkaly podokhodnogo naloga (Comparative Characteristics of Progressive and Flat Income Tax Scales). *Journal of Institutional Studies*, Vol. 10, No. 3, 102–122. (In Russ.). DOI: 10.17835/2076–6297.2018.10.3.102–122.
19. Heathcote, J., Storesletten, K., Violante, G. L. (2017). Optimal tax progressivity: an analytical framework. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 132, No. 4, 1693–1754. DOI: 10.1093/qje/qjx018.
20. Vasilyev, V. C., Sokolov, M. M. (2018). Nalogovye reformy R. Reigana i D. Trampa: evoliutsiia prioritetov (Tax Reforms of R. Reagan and D. Trump: Evolution of Priorities). *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kultura (USA and Canada: Economics, Politics, Culture)*. No. 8 (584), 5–25. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032120680000356–5.
21. Wu, C. (2021). More unequal income but less progressive taxation. *Journal of Monetary Economics*, Vol. 117, 949–968. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2020.07.005.

22. Chen, S.-H. (2020). Inequality-growth nexus under progressive income taxation. *Journal of Macroeconomics*, Vol. 65, article 103234. DOI: 10.1016/j.jmacro.2020.103234.
23. Lebedev, V. V., Lebedev, K. V. (2017). O primeneniі uravneniia Ferkhiulsta dlia analiza differentsiatsii denezhnykh dokhodov naseleniia Rossii (On the application of the Verhulst equation for the analysis of monetary incomes differentiation in Russia). *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniia (Economics and Management: Problems, Solutions)*, Vol. 3, No. 6, 218–223. (In Russ.).
24. Grechany, S. A., Rodin, V. A. (2008). Koeffitsient Reinbou i vozmozhnosti vvedeniia progressivnogo naloga v Rossii. (Rainbow coefficient and the possibility of introducing a progressive tax in Russia), *Vestnik VGU. Serii: ekonomika i upravlenie (Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management)*, No. 2, 44–47. (In Russ.).
25. Tishchenko, A. S. (2008). *Issledovanie vliianiia podokhodnogo naloga na strukturu raskhodov naseleniia na osnove modelirovaniia [A modelling study of the impact of income tax on the spending structure of population]*. Extended abstract of a PhD thesis in economics. Moscow. (In Russ.).
26. Vinokurova, T. P. (2012). Nalogovyi risk: Ekonomicheskaiia sushchnost, metodiki analiza i otsenki, napravleniia ikh sovershenstvovaniia (Tax Risk: Economic Essence, Methods of Analysis and Assessment, Directions of Their Improvement). *Ekonomika i upravlenie [Economics and Management]*, No. 4, 103–110. (In Russ.).
27. Laskina, L. Iu., Vlasova, M. S. (2015). Nalogovy risk kak sostavnaia chast predprinimatelskogo riska (Tax risk as an integral part of business risk). *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Serii «Ekonomika i ekologicheskii menedzhment» (Scientific Journal NRU ITMO. Series Economics and Environmental Management)*, No. 1, 121–130. (In Russ.).
28. Egorova, O. Ia., Smirnova, E. E. (2015). Upravlenie nalogovymi riskami v kompanii v usloviakh ekonomicheskoi nestabilnosti (Tax-risk management in an organization). *Molodezhnyi nauchnyi forum: obshchestvennye i ekonomicheskie nauki [Youth Scientific Forum: Social and Economic Sciences]*, No. 2 (21), 92–99. (In Russ.).
29. Macijauskas, L., Maditinos, I. D. (2014). Looking for Synergy with Momentum in Main Asset Classes. *European Research Studies Journal*, Vol. XVII, No. 3, 3–16. DOI: 10.35808/ersj/422.
30. Polemis, M. (2014). Panel Data Estimation Techniques and Mark Up Ratios. *European Research Studies Journal*, Vol. XVII, No. 1, 69–84. DOI: 10.35808/ersj/411.
31. Lykova, L.N. (2018). A return to progressive personal income tax in the Russian Federation: some estimations. *Journal of Tax Reform*, Vol. 4, No. 2, 174–187. DOI: 10.15826/jtr.2018.4.2.051.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Balatsky Evgeny Vsevolodovich

Doctor of Economics, Professor, Director of the Macroeconomic Research Center of the Department of Economic Theory, The Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (125993, Moscow, Leningradsky Prospect, 49), Leading Staff Scientist, The Central Economics and Mathematics Institute, Moscow, Russia (125993, Moscow, Leningradsky Prospect, 49); ORCID 0000-0002-3371-2229; e-mail: evbalatsky@inbox.ru.

Ekimova Natalia Aleksandrovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Staff Scientist, Center for Macroeconomic Studies, The Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (125993, Moscow, Leningradsky Prospect, 49); ORCID: 0000-0001-6873-7146; e-mail: n.ekimova@bk.ru.

ACKNOWLEDGMENTS

The article is prepared within the framework of the state assignment of the Government of the Russian Federation to the Financial University for 2021 on the topic «Technological, structural, and social factors of long-term economic growth» (AAAA-A19–119080990043–0).

FOR CITATION

Balatsky E. V., Ekimova N. A. Fiscal and Social Effectiveness Assessment of the Personal Income Tax Reform in Russia. *Journal of Applied Economic Research*, 2021, Vol. 20, No. 2, 175–193. DOI: 10.15826/vestnik.2021.20.2.008.

ARTICLE INFO

Received March 4, 2021; Revised April 12, 2021; Accepted May 10, 2021.

